

гут почерпнуть в ней аксиологически ориентированные выводы о разных этапах организации науки. Недаром исследовательский проект, в рамках которого подготовлена монография,

называется «Институциональные изменения в отечественной и мировой науках и в научной политике (конец XX – начало XXI вв.)».

JOSEPHSON, P. R. WOULD TROTSKY WEAR A BLUETOOTH? TECHNOLOGICAL UTOPIANISM UNDER SOCIALISM, 1917–1989. BALTIMORE: THE JOHNS HOPKINS UNIVERSITY PRESS, 2010. 342 p.

НИКОЛАУС КАТЦЕР*

Рецензируемую книгу П. Джозефсона можно отнести к жанру «СССР / Россия глазами зарубежного историка науки (техники)». Ее автор преподает историю России и СССР в колледже Колби (Уотервиль, Мэн, США). Он много раз бывал в нашей стране, посещал академические институты (в том числе ИИЕТ РАН), учебные заведения и предприятия в различных городах.

Данная рецензия на книгу Джозефсона написана директором Германского исторического института в Москве (ГИИМ) Николаусом Катцером, т. е. представляет собой любопытный вариант «Книга американского ученого об СССР глазами германского историка». Катцер любезно предоставил нам свою уже публиковавшуюся рецензию, попросив, чтобы ее перевод на русский язык был сделан с оригинального немецкого текста.

Какой должна быть история техники времен социализма? Сводится ли она к хронике изобретений или к описанию попыток «догнать и перегнать»? О чем в большей степени свидетельствуют грандиозные проекты, осуществлявшиеся в XX в. в советском полушарии: о неукротимом стремлении к знанию или о безоглядном движении к неким практическим целям? П. Р. Джозефсон ищет ответы на эти вопросы, разворачивая перед читателем индустриальный пейзаж с заброшенными производственными корпусами, оставленными в них заржавленными агрегатами и размышляя над утопическими планами

государственного социализма, неосуществимость которых к концу века стала очевидной.

Может показаться удивительным, что его внимание привлекает фигура политика, уже в 1920-е гг. потерявшего власть в борьбе со Сталиным и его соратниками. Но это лишь на первый взгляд: ни безжалостный вождь пролетариата Ленин, ни мастер интриги Сталин не были способны в полной мере оценить перспективы технического развития Советского Союза и его временных союзников. Оба в технике разбирались слабо. Их механистический подход к модернизации первоначально ограничивался использованием передовых технологий как рычага для революционных преобразований в социально-экономической сфере. Электричество и

* Германский исторический институт в Москве. Россия, 117418, Москва, Нахимовский пр-т, 51/21. E-mail: dhi@dhi-moskau.org.

машины, по их мнению, сами по себе обеспечивали технический прогресс, а партия и государство лишь поддерживали его политически – в том и состояла их миссия.

Лев Троцкий считал, что, начиная с 1930-х гг., движущей силой развития станет реконструкция, и во многом оказался прав. А после образования социалистического лагеря в 1945 г. именно технократическая модель, реализованная в Советском Союзе, стала доминирующей для всех вошедших в него стран. Историческая справедливость требует признать Троцкого в той же мере «основателем» социалистического государства, в какой им был и Ленин, однако, вскоре после победы в Гражданской войне, он проиграл в борьбе за власть, что не мешало ему оказывать значительное влияние на политику государства на первых этапах эксперимента большевиков. Летом 1917 г. он не сомневался, что вместе с Лениным они смогут объединить рабочий класс и армию. Ему принадлежала ключевая роль в организации Октябрьского переворота, после чего Троцкий переключился на создание Красной Армии, что стало важным фактором победы большевиков в Гражданской войне.

В процессе вытеснения Троцкого из числа политических лидеров полностью нивелировать его влияние, однако, не удалось. Тем не менее спрос на его идеи в политике уменьшался, и от дел его постепенно отстраняли. К концу 1920-х гг. он по существу уже не выступал в роли одного из творцов второй революции, определивших образ социализма советского типа. Роль, которую уготовил ему Сталин, сводилась к комментированию свершений, от которых сам он был отстранен. Еще совсем недавно

соратник Ленина в создании Советского государства, теперь он оказался в роли стороннего наблюдателя.

Далее Троцкого попытались и все исключить из истории. Отчуждая его от того, что им было сделано, Сталин и его окружение могли давать свою трактовку предшествующим событиям. Но Джозефсон делает попытку посмотреть на прошлое более объективно. Главные аргументы для своей книги он черпает из истории первого утопического периода революции, когда индустриальный социализм большевиков существовал только на бумаге. Именно идеи Троцкого, высказанные тогда, определяли, по мнению автора, то, как развивалась техника в России после Ленина. В течение долгого времени произведения Троцкого читали главным образом как наброски талантливого начинающего автора, писавшего для политической сцены распадающейся царской империи. Его теоретические трактаты демонстрировали его несомненные интеллект, остроумие и чувство стиля, а на утопичность его идей как-то не обращали внимания.

Подобно многим своим современникам Троцкий верил, что энтузиазм масс поможет преодолеть реальные социально-экономические трудности. При этом он отнюдь не был оторванным от жизни интеллигентом, заблудившимся в лабиринтах реальной политики, способной его разрушить. Его историческая уместность становится очевидной, если рассматривать его теоретические работы в контексте политической деятельности. Обладая основательным образованием, Троцкий хорошо знал о достижениях американской экономики и науки и находился под большим впечатлением от них. Он понимал, что, результатом их взаимодействия были не

только конкретные достижения, но, что еще более важно, новый подход к преобразованию жизни. Его очень интересовали перспективы применения психофизики и социальной инженерии, «новый человек» как объект многообещающих экспериментов в свете неисчерпаемых достижений естественных наук и техники. В этом он увидел скрытые возможности для построения общества нового типа — источник, дополняющий реальными возможностями прежние утопические идеи на пути к светлому будущему. Троцкий видел в революции изменение основ жизни, и осуществить такой переворот, по его убеждению, можно было, лишь действуя по законам советской диктатуры.

Высланный из страны Троцкий был лишен возможности проверить свои умозаключения, и вынужденное бездействие в Мексике стало для него настоящей пыткой. Он переключил всю свою энергию на критику сталинского бюрократического управления государством, не устывая говорить о «предательстве» дела большевиков. Впрочем, разве его политические идеи технических, социальных и научных преобразований не стали в дальнейшем реальностью? Безоглядная ориентация на модернизацию без учета социальных рисков, имевшая место в стране после 1928 г., вполне могла бы встретить понимание Троцкого (или даже признание ее) как реализация его идей.

Отсылающим к современности названием своего труда Джозефсон подчеркивает эту преемственность. Как он пишет, соблазн технических инноваций по существу не оставляет человеку выбора. С этих позиций автор проводит обширное исследование взаимовлияния индивидуального выбора и объективных социальных

процессов. Технократический энтузиазм направлен на изменение многого, начиная от верстака, за которым трудится рабочий, и до строительства угольной шахты или ядерного реактора. При подготовке контрольных цифр пятилетних планов инженеры и чиновники откровенно пренебрегали мерами по охране здоровья работников. Все гигантские проекты советской эпохи пронизаны духом самоуверенной безответственности. Так же как своего рода «чудом» была победа большевиков над превосходящими силами противника, ударные темпы индустриализации должны были вести к успеху вопреки всем предсказаниям оппонентов. Риск стал отличительным признаком советской модели, даже когда эта модель начала экспортироваться в страны Центральной и Юго-Восточной Европы, а также страны третьего мира. Рабочий класс, от имени которого декларировались национальные революции, вступал на путь прогресса, строительства социализма и воспитания новой человеческой расы. Считалось, что данный класс сам устанавливает цели и темпы прогресса. При капитализме рабочие могут объявить забастовку, если они считают необходимым повысить уровень техники безопасности или привлечь внимание к проблемам охраны окружающей среды. При социализме на смену этому приходит вера в будущее и бескорыстная готовность жертвовать.

Джозефсон, автор многочисленных работ по конкретным вопросам истории естественных и технических наук и изобретений, постарался насытить свое исследование массой интересных примеров, иллюстрирующих его высказывания об особенностях трудовой практики в социалистическом мире; используемая при этом

временная и географическая палитры весьма разнообразны. Достаточно подробно он рассматривает происходящее в Северной Корее. Несмотря на широко распространенный тезис о социалистическом развитии по единому советскому образцу, Джозефсон подвергает сомнению однородность идеологических, экономических и политических моделей в разных социалистических странах. Даже эксперименты, проводившиеся в одной и той же стране, но в разное время, по его мнению, обнаруживали определенное разнообразие, хотя и не в таких широких рамках. Особого внимания заслуживают разделы, посвященные ядерной технологии (с. 163–191) и не нашедших решения проблемам крупных промышленных объектов (с. 193–231). Они показывают живучесть экономического и концептуального наследия социализма советского типа, влияние которого продолжается до настоящего времени.

В заключительной главе «Гендерный трактор» (с. 264–299) исследуется женская составляющая истории несбывшейся или неосуществленной утопии. Здесь Джозефсон проливает свет на бум оплаченного женского труда при социализме. С одной стороны, это можно считать достижением постулировавшейся после 1930 г. отмены всех социальных различий: в справедливом обществе не может быть неравенства ни по классовому, ни по гендерному признаку. С другой, приводимые примеры, в которых желаемое выдавалось за действительность, являлись свидетельством ужасающей реальности. Безусловно, построенный мужчинами-пролетариями социализм открыл перед многими женщинами разнообразные возможности социального продвижения. Формально говоря, они могли не

считаться с прежними традициями и заниматься академической и инженерной деятельностью или же делать карьеру в промышленности, сфере управления или образования. На практике, однако, женщины продолжали испытывать жесткую дискриминацию, не говоря уже о бремени двойной нагрузки на работе и дома. Как это часто бывает, повседневная жизнь находится в противоречии с законом, у социальных институтов не хватает ресурсов, и женщины по существу оказываются без поддержки общества при решении своих профессиональных и семейных проблем. О явной дискриминации женщин наглядно свидетельствует и их отсутствие на ответственных партийных и государственных должностях или среди руководителей страны.

Книгу Джозефсона нельзя отнести ни к жанру классического обзора, ни к попытке систематизированного синтеза рассматриваемых событий периода 1917–1989 гг. Автор не претендует ни на исчерпывающий анализ предмета, ни на написание чего-то наподобие краткого учебника. Скорее, он ставит целью подчеркнуть транснациональный характер современной техники, обращая при этом внимание на неизбежность специфических условий. Он предлагает вниманию читателя своего рода путешествие, позволяющее по-новому взглянуть на советский опыт развития техники, экономики и охраны окружающей среды, а также политической экономии и истории утопических идей. Ему интересно, каким образом институты, заводы, жилые комплексы, колхозы или автомобили и машины – артефакты повседневной жизни – становились «подлинно “советскими”» (с. 68) и чем они

отличались от того, что существует в промышленно развитых странах Запада. Исходя из этого, он определяет характерные черты эстетики социалистического модернизма (с. 73) и сталинского или советского стиля в технике (с. 103). По его мнению, неразрешимой проблемой осталось то, что бремя трудностей, связанных с индустриализацией, легло на плечи крестьянства (с. 55, 87).

В особенности своеобразный исследовательский стиль Джозефсона оправдывает себя там, где предметом обсуждения являются безопасность и здоровье трудящихся или благосостояние тех, кто номинально является опорой государства. Массовое пренебрежение нормами охраны здоровья в условиях наличия шума, пыли или токсичных испарений вынудило бы профсоюзы в капиталистических странах перейти к непрекращающейся забастовке. Впрочем, «серая жизнь» (с. 112) и загрязнение окружающей среды стали такой же характерной чертой городов-героев и мира индустриального социализма, как отсутствие товаров народного потребления или развитой сферы отдыха в «пролетарском раю» (с. 233).

Джозефсон побывал во многих местах, описанных в книге. По существу, он выполнил историко-экспедиционное исследование, посетив Обнинск и Архангельск, Северодвинск и Чернобыль, а также другие уголки, в которых можно вернуться к ушедшему советскому социалистическому индустриальному миру. Он не предъявляет историческим деятелям моральных обвинений, он им противостоит, указывая на противоречивость того, что ими осуществлялось. Он рассматривает технические экспертизы, проведенные специалистами, и задает вопрос: а что же из обещаний политиков дошло до народа? Он противостоит интеллектуалам-зачинателям, предъявляя очевидные факты. Используемая им форма эссе, пожалуй, наиболее подходит для такого рода критического исторического обзора. Насытив книгу множеством фактов и сравнительных данных, трудно избежать некоторых повторов и избыточных комментариев. В целом, книга Джозефсона выглядит мозаичной панорамой, способной пробудить интерес к продолжению исследования этой темы.

Пер. с немецкого В. П. Борисова